

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Непросто подвести общий итог коллективного труда, еще не остыв от его создания и понимая, что не нам его оценивать. Вот все же кое-что в порядке самокритики.

Отталкиваясь от классической монографии предшественника, мы хотели набросать панораму вековых городских и сельских сдвигов в России. По ходу дела задача разбухла, и все равно историки найдут в книге свои изъяны, демографы — другие, коллеги-географы — третьи. Таковы уж работы «на стыках», а наш стык (научный жанр), как минимум, тройной: историческая география населения. И он не исчерпан. Недостает микрогеографии города и деревни, анализа планировочных идей, транспортных и многих, многих других процессов и проблем, важных для расселения.

А то, что есть, не ставит точки в старых спорах, да мы и не ставили такой задачи, как и никакой специально прикладной. Но теперь попробуем уточнить некие позиции и извлечь уроки. Хотя бы для самих себя как профессионалов и как граждан России, а тем самым «для народа» и его «слуг», если захотят услышать.

Сначала о периодизации развития и расселения в XX веке, хотя это не совсем наше дело. Пожалуй, основных эпох тут четыре: досоветская, раннесоветская, позднесоветская и постсоветская. Названия говорят о центральной роли «царства социализма» в этом столетии, да и пролог с эпилогом симметрично несвободны от его влияния: напомним о революциях-мятежах 1905 и 1993 гг., о Думах, столыпинских и «возвратных» миграциях 90-х гг. Но главное тут — тотально советское, безрыночно-командное время, время государственной общины или общака (кому как ближе). Оно заняло примерно 60 лет с 1925–1930 по 1985–1990 гг. и, в свою очередь, делится на две 30-летки.

Первая, с коллективизацией и индустриализацией, войнами и голодовками, страхом и единомыслием, энтузиазмом и репрессиями, ускорила мобильность экономики и населения. Огромная опустошительно-созидательная работа лишь к концу этого периода или в начале следующего выразилась в крупных переменах и сдвигах. Страна стала по преимуществу промышленно-городской, наемно-рабочей сверхдержавой, стал расти уровень жизни, в том числе в скудевшей людью и стягивавшейся к центрам сельской местности, пополнялись ряды городов-миллионеров, агломераций и периферийных промузлов и т. д.

Тем не менее более мирный зажиточный позднесоветский период, по всем опросам любимый россиянами за эти качества, отмечен нарастанием кризиса режима. Его лидеры из великих, мудрых и страшных становились смешными. Борьба населения с государ-

ством за блага и накопления начала складываться едва ли не в пользу первого, в том числе за счет повального и почти легального воровства. Многие, в том числе в расселении, шло по инерции. Попытки сочетать старые стратегии (сдвиг на восток, вплоть до БАМа) с новыми (военный паритет и космос, массовое жилье, автомобилизация и др.) и с исправлением замеченных изъянов (программа подъема Нечерноземья) были не очень удачными, несмотря на все затраты. Становились все более заметными социальные, идеологические и географические контрасты, нарастало ощущение разноликости и разновекторности.

Теперь посмотрим на все это с другой стороны, давая комментарии к ряду вопросов о судьбах страны — из тех, что сто лет назад называли проклятыми.

Вперед или по кругу? Век могучих рывков и резких срывов России не изменил ее скромного полупериферийного места в мире по уровню развития, цивилизованности и благосостояния. Хуже того, начав на подъеме и с радужными надеждами, она завершает столетие едва ли не у разбитого корыта. Но те давние надежды разбились о грядущие бедствия, разбивших и старую, «первую» Россию века. А кризис, сломавший «вторую», может и должен вывести «третью» к новому взлету. Поиски его духовной опоры давно не велись так активно¹.

Эти циклы — не бесплодные и порочные круги. Россия — не триумфатор, но и не жалкая жертва жестокого века. Сто лет перемен сделали ее иной. Помимо прочего, сдвинули на восток, к Уралу, ее демоэкономические центры, заметно выровняли заселение и освоение крупных частей; одно время их развитие даже казалось весьма однородным. Но главные перемены связаны с демографическим переходом и урбанизацией. Их никак нельзя считать только следствиями или средствами индустриализации и военно-технической гонки, хотя ясно, что страна крестьянской утопии (по А. В. Чапанову) просто не могла делать ракеты. Мы отмечали, что урбанизацию дважды или трижды прерывали большие кризисы и смуты, что реакцией на них бывало бегство из городов. И, кажется, забыли, что она же помогала людям вынести другую напасть — слишком крутые перемены, взлеты, и не только пережить их, но приспособиться к ним².

Урбанизация — необходимое, но недостаточное условие современной самоорганизации общества, новой стабильности. Да, ее отличали молодость и спешность. Многие города еще станут городами, а не фабричными деревнями, столь распространенным при В. П. Они еще научатся жить по-городскому, а не выживать на подножном корме, начнут развиваться и развивать свое сельское окружение, более зависимое от городов, чем

¹ Историки, например А. С. Панарин (Реформы..., 1996, с. 252), находят поразительное сходство нашего кризисного времени с эпохой сложения Московского царства: то же чувство одиночества и страстное искание своей евразийской идентичности, места между «латинским» Западом и исламским Востоком.

² По данным Б. Н. Миронова (1999, т. 2, сс. 335–356), «физиологический статус» как часть качества жизни падал в эпохи реформ и кризисов — петровских, 1850–70-х гг., столыпинских, большевистских. Но советское время в этом смысле не худшее. Причины автор видит в демопереходе и женской эмансипации, снизивших затраты на семью и воспроизводство человека, в равномерном распределении благ, что компенсировало скудость среднего уровня, в мобильности и смешивании населения (гетерозисе). Все это стало возможным благодаря урбанизации.

100 лет назад. Такова сегодня России. Она разочаровывает идеалистов всех мастей, но это их проблема: не надо было очаровываться.

Потери или обретения? Всякое развитие есть путь обретений и потерь, в том числе безвозвратных. Путь от традиционной общины к гражданскому обществу усеян утратами прежней гармонии и стабильности, упадком морали, ростом преступности и т. п. Но еще Д. И. Менделеев (1907, с. 64) назвал полуребяческим плач по «первичному патриархальному быту», характерный даже для таких «передовиков», как Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстой.

Среди приобретений и утрат были географические: внешние (расширения и сжатия территории страны) и внутренние, менявшие пропорции обжитых (освоенных) и пустых земель. Расширение зон освоения на север, на восток и на юг, потери населения и его откочка в города сделали «прорехи» в староевропейском ядре, где расселение превратилось из равномерного в «пятнистое». Став городским, это ядро потеряло деревню и с ней большие массивы сравнительно густонаселенной территории³. Есть утраты в системе городов, и не только в ходе «естественного отбора». Увеличив число городов-миллионеров с двух до дюжины, Россия по существу потеряла былую двусторонность. Ну а потеря многих миллионов жизней, которыми оплачены наши эксперименты, победы и поражения, невосполнима даже чисто количественно (демографический переход позади).

Вывод: нет человекорасточительству и прожектам великих сдвигов! Между прочим, становясь горожанами, мы теряем старосельскую независимость от сложной техники жизнеобеспечения. Что бывает с городом без света, тепла, воды и внешнего снабжения, показал блокадный Ленинград. Ныне на нас надвигается (Север и Восток местами захватила) «проблема 2003 года», когда из-за выплат по внешнему долгу и длительного недоинвестирования ожидается череда техногенных катастроф. Кроме того, начавшийся экономический рост может упереться в нехватку рабочих рук во многих местах и секторах хозяйства. Разрывать круг придется и путем технической модернизации, и с помощью миграций, снова растущих. Не мы одни, весь «мировой город» испытывает демографический натиск «глобальной деревни». С этим бременем нашей близости к развитому миру тоже надо учиться жить не поддаваясь этнофобиям и расизму, выдерживая и этот тест на цивилизованность.

Быстрее или медленнее? То, что страна великих реформ и реформаторов как бы топталась на месте, нажив комплекс вечного студента, связывают с внешней и верхушечной модернизацией, с ускоренным бегом вдогонку за лидерами. По В. О. Ключевскому, это ведет к перенесению чужого наскоро. А вздергивание на дыбы, «просвещение с кровопролитием» рождают раскол; новые, но чужие порядки воюют со старыми и родными (чей срок, быть может, не вышел), верхи с низами, западники со славянофилами. Вопрос о скорости вбирает в себя и такие, как: все или по-своему; добровольно или принудительно?

³ Напомним, что по нашим расчетам зоны с плотностью 10–50 чел./кв. км уменьшились за век вдвое, на 1 млн кв. км. В Европе, даже в северных странах и Англии (аграрный переворот и искоренение крестьянства с XVI в.), такому вторичному запустению мешала густая сеть городов. А в США и Канаде, где масштабы потерь тоже велики, им не придали особого значения, поскольку они не сказывались на продовольственном положении.

У нас конфликт скоростей, экономических укладов и социальных слоев — это также конфликт территорий: Запада и Востока, Севера и Юга, центра и провинций, русского ядра и нерусских окраин. Если реформаторы как-то обманывали время, то вязли в пространстве, и вязли тем глубже, чем меньше с ним считались. Во времена В. П. рецепт ускоренного развития был ясен, и промышленно-городские очаги уже имелись от Варшавы до Уфы, от Архангельска до Баку. Казалось, чем их больше, тем крепче разделение труда, связи городов друг с другом и с селом... Но вот всюду насадили однотипные заводы-НИИ, повязали их «шефской» помощью ближним совхозам, не думая о том, где это привьется, а где превратится в откровенную профанацию, и чем закончится.

Мораль очевидна: перескакивать в пространстве так же опасно, как во времени, а в сущности это одно и то же. Меняться лучше часто и помалу, чем редко и круто, но и тогда поспешать осторожно, «стоять за ценной» реформ, понимая, как трудно жить у нас (а не только в Китае) в пору перемен и как важно, чтобы они были вняты и нужны низам «на местах», от Москвы до окраин. Потому что только все вместе мы, москвичи и магаданцы, крестьяне и президенты, либералы и коммунисты, русские и башкиры, — Россия. Кстати, напомним, что центр ее населенности давно находится именно в Башкирии и в силу изложенных в этой книге обстоятельств, видимо, останется там надолго.

Земля и люди — два наших главных богатства и две главных боли. Как показывают история с географией, в обоих случаях количество само не переходит в качество. Давно известно, что богатство измеряется не изобилием природы, не размерами территории и населения и не числом заводов, а состоянием людей, качеством их жизни. Люди и земли у нас в основном бедны, сильно запущены. Это и есть наша основная проблема.

Любая нация мечтает об экономике, дающей всем шанс на достойную жизнь. Но экономика упрямо не желает расти равномерно, а выбирает некие точки, особенно если рост стартует сызнова, после суровой встряски. Тут необходимы подвижность, переток капитала и работников из одних сфер и районов в другие, т. е. развитые рынки. В России создать их нелегко, в том числе из-за расстояний и различий между регионами, влияющих на цены. Хотя на то и XXI век, чтобы преодолеть замкнутость и застой в любом месте, чтобы люди с помощью информационных систем, как минимум, знали, что, где и как, и могли свободно, сознательно выбирать, где им жить и работать.

Выбирая же стратегию развития, следует помнить, что это, прямо или косвенно, — выбор между теми же Западом и Востоком, Севером и Югом, центрами и периферией (в частности, между городом и селом), этнически русскими регионами и автономиями РФ.

Первая альтернатива у нас лишена киплинговского этнокультурного контекста. Как же им не сойтись, если наш Восток (Азия) — та же, попозже и пореже освоенная Россия, а доля русских в Сибири выше средней по стране? Но пусть и в европейской части этого не забудут, особенно при смене экономической модели, скачках цен на нефть и т. п.

Север — Юг — ось отчасти культурно-политическая, этническая и субэтническая. Север — это надежный тыл, природный резерв, но притом и огромная, суровая пустыня. Юг у нас невелик и небогат, зато гуще населен, притягателен для мигрантов, хотя вместе с тем пестр и беспокоен. И, при всей их важности, опорнее и важнее Средняя Россия, Главная полоса расселения (как массовый средний класс важнее и опорнее нуворишей и люмпенов).

Третья дилемма — самая повсеместная и социально значимая, затрагивающая больше всего россиян. Но тут свои барьеры, а в пространстве так же рискованно перескакивать через зону, тип местности, как во времени — через стадию, цикл. Если Россия — архипелаг центров-островов в море периферии (при дефиците полупериферии европейского типа) и если море потому запущено, что хилы острова, то реанимация пойдет от островов и не в открытое море, а сперва в прибрежные воды — пригороды с их особой средой, бойким земельным рынком и т. п. Вторичное сезонно-дачное заселение зон сельской депопуляции давно идет дальше. Эту народную волну нужно стимулировать и использовать для поддержания инфраструктуры, социального контроля за территорией, для того, чтобы средние капиталы не бежали из страны. Можно пустить ее на самотек, но вот бороться с ней — право, себе дороже.

Четвертая пара кажется наиболее актуальной для сохранения единства страны, хотя нынешний регионализм («регионализация») и пресловутая асимметрия РФ по сути своей шире, чем проблема автономий. В момент, когда пишутся эти строки, весьма злободневной стала такая альтернатива: *реинтеграция или новая централизация?*

Советский опыт говорит о том, что первую в принципе можно то ли заменить второй, то ли навязать с ее помощью. Но тогда придется идти дальше назад: закручивать гайки некой идеологии, вешать замки на границах, восстанавливать Госплан и Госснаб (на которых, по словам А. Г. Вишневого, сломал зубы раннесоветский федерализм). И мы опять влезем в большой цикл регионализации, которая будет ставить страну на грань распада при любом ослаблении верховной власти⁴. Ведь связи, навязанные сверху, прочны до тех пор, пока прочен сам «верх». Нет, пусть уж маятник регионализма-централизма (и ему подобные) раскачивается почаще, но зато с меньшей амплитудой.

Это не значит, что не нужны противовесы регионализму субъектов РФ сверху и снизу. Все проекты надстройки верхнего «этажа», будь то 11 районов, 8 межрегиональных ассоциаций или 7 президентских округов, исходят из того, что 89 субъектов — слишком много, что их рамки узки для формирования рынков. Но по единицам такого типоразмера, по крупным плитам страну вообще-то и расколоть легче. Представим хотя бы Исламскую Горскую Конфедерацию вместо одной Чечни.

Противовес снизу — местное самоуправление, хотя в регионах оно сочетается с вертикальным, по сути унитарным делением, роль которого особенно велика в бюджет-

⁴ Напомним, что в СССР дважды пытались заменить отраслевой принцип руководства территориальным — в конце 20-х гг. и на рубеже 60-х. Но плановая индустриальная экономика не вписывалась в рамки регионов, и управление ею возвращали в руки наркоматов (министерств), забывая о лозунге комплексного, гармоничного развития территорий. Еще 30 лет такого управления подвели республики и регионы к «бунту» на рубеже 90-х гг. и, наряду с другими факторами, к распаду СССР.

Заключение

ных делах. Между тем, из всемирной истории известно, что с удельной (феодальной) системой трудно покончить без прав и свобод муниципий, прежде всего городов. Потому что это фокусы и базы внутри- и межрайонных связей, широкой экономической и социальной интеграции. Первый постсоветский Кремль пытался дружить с союзами городов «против» губернаторов. Второй — нет, и, может быть, напрасно.

Однако непреложным остается следующее: если в каждом отдельном случае допустимо тянуть за одно ключевое звено, то в каждом общем — лучше забыть об этом: цепь на то и цепь, что целая. Значит, не «или-или» (город или деревня, регион или город), а только «и»!